

ВОЙНА ЦѢНА ОТД. № ВЪ 25 К. И НА СТ. 30 К.
РОЗН. ПРОДАЖЪ **НОВЫЙ**
САТИРИКОН

№ 3 **ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ** **1917**
12 ЯНВАРЯ.

Рис. Ре-ми.

ВОРОНЪ — ЖЕРТВА БЫСТРОЙ АВТОМОБИЛЬНОЙ ЪЗДЫ.
(Зимній этюдъ чернаго на бѣломъ)

1
306
1917

30
КОМПАГЕНТСТВО
ВЪ СТАНЦІИ

ГРИМАСЫ ГОРОДА.

Рис. Н. Р.

ПРИМѢНЕНІЕ КЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМЪ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ въ „Новомъ Времени“, запретили объявленія о натурщицахъ, я сѣю туда такое объявленіе: „Блондинка роскошнаго тѣлосложенія предлагаетъ карборундъ, листовую сталь и фрезерные станки“. Иначе никого не за- тащишь.

НАВОДНЕНІЕ.

„Въ Гос. Думѣ накопилось свыше 300 мел- кихъ проектовъ, еще не разсмотрѣнныхъ“. (Изъ газетъ.)

Предъ натискомъ стихійныхъ прозъ
Безсилень, человекъ, ты...

За тюкомъ тюкъ, за возомъ возъ —
Несутъ, везутъ проекты.

Кто ихъ печеть? Зачѣмъ печеть? —
Не знаемъ до сихъ поръ мы.
Но лава ихъ течеть, растеть...
«Странъ-съ нужны реформы!»

Изнемогая отъ трудовъ,
«Избранники» вспотѣли —
И все жъ, еще 500 пудовъ
Осталось «вермишели»:

«Проектъ о ввезѣ въ Конотопъ
Калошъ второго сорта». —
«Объ ассигновкѣ въ 40 коп.
На поощренье спорта».

«Проектъ объ отпускѣ чернилъ
Управѣ въ Кобелякахъ».

«О разведеніи мандрилль».
«О бѣшеныхъ собакахъ».

«Проектъ акциза на воронъ
И промыселъ скворщенный».
«О перекраскѣ въ сѣрый тонъ
Синодской крыши. Спѣшный».

Несутъ еще... еще... Ужель?
Въ груди дыханье сперло...
О, пощадите: «вермишель»
Не лѣзетъ больше въ горло!

Доль.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

VI томъ пьесъ **АРК. АВЕРЧЕНКО.** VI томъ пьесъ

„ПОДЪ ХОЛЩЕВЫМИ НЕБЕСАМИ“.

„Галочка“, „Двойникъ“, „Жоржикъ“, „Сердце
молодой дѣвушки“, „Обручальное кольцо“ и друг.

РЕЗИНА.

(Очень нравоучительная исторія.)

У Максима Сорокапудова была своя бакалейная лавка. Если бы Максимъ читалъ газеты, онъ зналъ бы, что всѣ газетные писаки обломали себѣ зубы, называя Максима и ему подобныхъ: «мародерами тыла», «союзниками нѣмцевъ», «городскими шакалами» и тому подобными ужасными эпитетами.

Но Максимъ Сорокапудовъ газетъ не читалъ, и поэто- му жизнь его текла легко и спокойно.

Часто, укладываясь по вечерамъ въ широкую супру- жскую постель, Максимъ спрашивалъ у жены, съ хитрой улы- бочкой, какъ всробищецъ, порхавшей по всему его скуласто- му мѣднокрасному лицу:

— А какъ ты думаешь, Кондратьевна, выдержитъ онъ еще четвертакъ на полтавской, съ чеснокомъ?

— Съ чеснокомъ? — сосредоточенно переспрашивала Кондратьевна, почесывая бѣлую тугую ногу.

— Да.

— Полтавская?

— Ну, да. Хи-хи.

— По-моему такъ, что выдержитъ. Ништо. Дурныхъ денегъ теперъ — солдатъ съ ружьемъ завалится.

— То-то и я думаю. Нешто, попробоватъ?

— Попробуй.

— Такъ что, думаешь выдержитъ?

— Не лопнетъ.

— Хе-хе. Сколько у насъ въ Азіатскомъ лежитъ?

— Сто двадцать восемь съ полтыщей.

— Эхъ, до трехсотъ бы. Да и пошабашить.

Утромъ, кряхтя, подымался съ широкой честной супру- жеской кровати Максимъ и, поцѣловавъ Кондратьевну въ ту- гое плечо, шель въ лавку.

— Митька! Почемъ у васъ была тамъ помѣчена пол- тавская колбаса съ чеснокомъ?

— По два пятнадцать.

— Такъ-съ. Ставь два сорокъ, поняль?

— Такъ ужъ по два съ полтыней ставить для ровнаго счета, — подмигивалъ продувной самага жуликовского вида Митька.

— Ну, ужъ ты тоже, скажешь... Нешто онъ можетъ этакое выдержать? Шкандалу, чтобъ не было.

Долго и хрипло смѣется распутный гнилой Митька.

— Онъ-то да не выдержитъ? Да я ему захочу — сто рублей фунтъ поставлю — на порогъ онъ у меня отъ страху издохнетъ, а голосу не подастъ.

— Гм... да. Ну ставь по два съ полтыней.

И — о, чудо! «Онъ», въ просторѣчии покупатель — выдерживалъ.

Заходилъ въ магазинъ, робкій, печальный, въ поношен- ныхъ башмакахъ, съ обвисшими отъ плохихъ дѣлъ усами и тихо спрашивалъ:

— Полтавская колбаса есть?

— Такъ точно. Сколько прикажете! Два, три фун- тика?

— Нѣтъ... Мнѣ полфунтика.

— Пожалуйста. Рубль съ четвертакомъ съ васъ.

— Но позвольте... Она, колбаса эта, только вчера стоила по два пятнадцать.

— Да-съ, дорого. Это вы вѣрно. Тонко подмѣчено — вая. Мы что же; мы не при чемъ. Намъ повышаютъ, и мы повышаемъ...

— Дорого, — лепеталъ блѣдными, склеившимися отъ долгаго молчанія устами покупатель.

— Да-съ, дорого. Это вы вѣрно. Тонко подмѣчено — дорого.

— Ну... дайте...

Бралъ и уходилъ. Этотъ блѣдный въ поношенныхъ баш- макахъ покупатель напоминалъ кусокъ доброй резины въ опытныхъ рукахъ: если ее тянуть не сразу, не вдругъ, а рас- тягивать постепенно, резина могла растягиваться до без- конечности.

Только тоньше становилась, прозрачнѣе. А растягивать- ся могла сколько угодно. Пожалуйста. Хоть еще вдвое, втрое, вчетверо.

* * *

— А что, — спрашивалъ передъ отходомъ ко сну Мак- симъ, касаясь волосатой рукой тугой богатой груди Кондрать- евны. — А что — можетъ онъ двухрублевый сыръ выдер- жать?

— Голанцкій? Не перехватилъ ли ты? Вѣдь до войны ему вся цѣна сорокъ пять была, да и вчера по рублю семи гривенъ торговали.

— А, по-моему, за два цѣлковыхъ укупить онъ сможетъ. Безъ сыру къ чаю никакъ ему невозможно. Платить же онъ за свѣчу по восьми гривенъ.

— Платить-то онъ платитъ. А только съ сыромъ... страшно чивой-то?

— Лопнетъ, думаешь? Станетъ онъ изъ-за такой юрнды лопаться... Ну растянется еще немножко... А ужъ никакъ не лопнетъ. Ну, Кондратьевна, что жъ, а?

— Что?

— Потянуть еще?

Уперши круглыя руки въ тугія бедра, задумывалась Кондратьевна.

— Гм! Такъ ужъ, если сыръ подымать, почему жъ тогда сардины не побезпокоить? Чтобъ ужъ рядомъ шло. Почему онъ у насъ?

— Рубль восемь гривенъ полкоробки.

— Ну, вотъ. Вытягивай до двухъ. Сколько у насъ теперь въ Азіатскомъ?

— Сто шестьдесятъ двѣ. До трехсотъ — сто тридцать восемь.

На другое утро Максимъ командовалъ:

— Митька! Тяни сыръ и сардины до двухъ.

— Есть.

Тянули.

Покупатель все вытягивался, утоньшался, блѣднѣлъ, а кубышка въ Азіатскомъ банкѣ сообразно пухла, уплотнялась и наливалась густой красной кровью.

— Сколько?—спрашивалъ однажды вечеромъ Максимъ, глядя жену по тугой круглой спинѣ.

— Двѣсти шестьдесятъ восемь съ полтыщей.

— Отлично, здорово. До трехсотъ рукой подать.

— А тамъ что же? — воркующе, говорила Кондратьевна, прижимаясь тупой щекой къ жесткой бородѣ коммерсанта Максима.

— А тамъ? Тамъ, братъ, шабашъ. Отдыхъ въ свое полное удовольствие: домикъ на тихой улицѣ купимъ, пару лошадей заведемъ... Этакія сани завинтимъ, и голубая сѣтка, чтобъ была. Кучеръ — во, шире тебя, бородача у него — во, шире моей, и чтобъ дикимъ голосомъ рычалъ на которые прохожіе. До чего сладко это. Лѣтомъ своя дача въ Крыму будетъ; ребенкамъ нашимъ француженку выдвинемъ, для кухни повара, который по дутымъ пирогамъ ходокъ, пристроимъ. До чего пріятно! Сардины-то по четыре сорокъ выдержитъ? Какъ понимаешь?

— Онъ-то? Выдержитъ. Вытянется. Прямо жвачка онъ резиновая, а не человѣкъ.

И смѣялись, довольные, какъ сытыя гіены.

* * *

Сладкій вождѣлѣнный день!

Торговля прикрыта, лавка передана, и въ Азіатскомъ кубышка уже не вмѣщаетъ больше — триста тысячъ! И каждая тысяча отдѣльно, и всѣ триста вмѣстѣ — все это неотъемлемое Максимово, Сорокапудово.

— Мошка, — сказалъ Максимъ бойкому расторопному комиссіонеру. — Теперь ты дѣйствуй. Перво-наперво спроворь ты мнѣ смѣту — домикъ, лошади, дачка, француженка и поварь — понять?

— Смѣшно, если бы я не понималъ, — самонадѣянно сказалъ Мошка. — Завтра получите все.

— А, это ты, Мошка? Ну, здравствуй. Все оборудоваль?

— Смѣшно, если бы я не оборудовалъ! Извольте смѣту. Улыбающійся Максимъ взялъ бумажку и взглянулъ на нее...

Раздался подавленный крикъ и стукъ отъ паденія тяжелаго тѣла.

Въ ужасѣ бросилась Кондратьевна къ неподвижному праху любимаго мужа.

А когда высвободили изъ окостенѣвшихъ пальцевъ «смѣту», составленную Мошкой «на основаніи рыночныхъ цѣнъ», въ ней можно было прочесть:

Лошади — пара, съ санями и экипажемъ, 300.000 руб. Домикъ на тихой улицѣ... и т. д.

* * *

Очевидно, дальше первой строки бѣдный Максимъ не пошелъ.

И вотъ — погибъ человѣкъ.

Почему погибъ?

Да очень просто: пока онъ не зѣвалъ и растягивалъ резину... «до отказа» — другіе тоже не зѣвали и растягивали свою резину «до отказа»...

Кто работалъ съ сардиной и полтавской колбасой, а кто занимался лошадьми.

Всѣ тянули.

Много на свѣтѣ дураковъ, а превыше всего ихъ въ Россіи.

Арк. Аверченко.

Рис. Бориса Григорьева.

ЯЗЫКЪ ВОЕННАГО ВРЕМЕНИ.

Онъ: — Раньше говорили просто: „хочу имѣть себѣ кусочекъ хлѣба съ масломъ“, а теперь это звучитъ благороднѣе: „мнѣ нужны жиръ и азотистыя вещества“.

Шаржъ Ре-ми.

И. Делу

А. В. АМФИТЕАТРОВЪ.

Слоны отличаются большимъ умомъ, сообразительностью, силой, кротостью и трудолюбиемъ. Но опасно разсердить такого добродушнаго слона: онъ тогда можегъ взбѣситься и нанести много ущерба неосторожному

(Изъ „Зоологiи Нов. Сатирикона“.)

ПОЧТОВЫЕ ГОЛУБИ.

Ихъ знали граждане въ Парижѣ осажденномъ
 Давно... давно... Съ тѣхъ поръ прошли года,
 Но и теперь тамъ голубямъ влюбленнымъ
 У оконъ крошки сыплотся всегда...
 И окруженный Льежъ, въ тискахъ неравной битвы,
 Къ собратьямъ посылалъ волшебныхъ голубей —
 Они несли съ собой привѣты и молитвы,
 И небо въ тѣ часы казалось голубѣй.
 Они... они одни вѣдь міру рассказали
 О тѣхъ, кто умиралъ безъ лавровъ и вѣнца,
 Про сказку свѣтлую, но полную печали,
 Про вѣрность королю, про жертвы безъ конца...
 Порой ихъ быстрый летъ исполненъ былъ тревоги.
 И, пестренкій листокъ, — ихъ жизни тайный кладъ,
 Въ оборванныхъ строкахъ просилъ скорѣй подмоги
 И скорбно говорилъ о тяжести утратъ...
 И врагъ ихъ взлета ждалъ, какъ вихря въ непогоду,
 Бросалъ имъ вслѣдъ огонь, стараясь поразить.
 Вѣдь эти голуби боролись за свободу,
 За право слабыхъ вѣрвать и жить...
 Я видѣлъ какъ-то разъ: въ часъ тихаго заката
 Изъ города взвился порхающій снѣжокъ
 И замеръ на хребтѣ невидимаго ската,
 Но вдругъ, чертя дугу, понесся на востокъ...
 И тотчасъ грянулъ залпъ... трепещущимъ изломомъ
 Пушокъ взметнулся вверхъ, растаявъ черезъ мигъ...
 Упалъ ли онъ къ землѣ алѣвшимъ кровью комомъ,
 Иль у небесъ безсмертія достигъ?..
 Не знаю, но въ душѣ проснулось сожалѣнье:
 Какъ будто младшій братъ ушелъ въ опасный путь.
 — «О, Боже! ниспосли ему благословенье!..»
 Хотѣлось прошептать, но... слезы сжали грудь...

Сергѣй Михѣевъ.

ЭВОЛЮЦИЯ.

Если бы нашелся изслѣдователь надписей на тюремной
 стѣнѣ камеры одиночнаго заключенія, онъ вынесъ бы мно-
 го интереснаго...

Надписи тюремной стѣны рассказали бы обо всѣхъ эта-
 пахъ русской общественности.

Вотъ онѣ:

1902 годъ.

Сидѣлъ за сходку въ большой аудиторіи: товарищи въ
 казармахъ. Да здравствуетъ Ванновскій!

Студентъ Голобородко.

И я тоже, послѣ васъ. Взять на Владимирской, на демон-
 страціи. Драгомировъ выкатилъ къ университету пушки и
 телеграфировалъ министру: крѣпость окружена! Сколько
 буду сидѣть, не знаю? Гдѣ Маруся? Если сошлютъ въ Си-
 бирь, — пусть она уплатитъ прачкѣ 48 коп. и хозяйкѣ 2 руб.
 70 коп. за колбасу.

Политехникъ Поповъ.

1903 годъ.

По процессу 68-ми. Пролетаріи всѣхъ странъ...

Сидѣлъ бундовецъ. Не согласенъ съ «Искрой». Въ «Из-
 вѣстіяхъ» будетъ статья Медема.

Здѣсь сидѣла Маруся Любина, курсистка, изъ-за найден-
 ной у нея прокламаціи о созывѣ земскаго собора.

1904 годъ.

Долой Плеве! Ура!..

Экстернъ Шулимъ Бэръ.

Въ сей камерѣ отсидѣлъ земецъ Павелъ Брюковъ за
 произнесеніе на земскомъ собраніи словъ: «Намъ нуженъ по-
 рядокъ». Удобствъ никакихъ.

Какихъ тебѣ удобствъ, буржуй? Въ борьбѣ обрѣтешь
 ты право свое!

Эс-эрь.

Ученикъ 4 класса гимназіи за найденную брошюру —
 административно. Когда выпустятъ, убью инспектора гимна-
 зіи. Навѣрно Лиза гуляетъ съ 3 классникомъ Колей! О,
 проклятый режимъ.

1905 годъ.

За недостаткомъ мѣста сидѣли въ одиночкѣ группой:
 инженеръ, земецъ, докторъ и 2 писателя. Устроили ми-
 тингъ. Требуемъ всеобщаго, равнаго...

Взять съ банкета. Статскій совѣтникъ Епиходовъ.
 Странно!

Почтальонъ Пименовъ сидѣлъ 3 дня. Ура! Ведутъ же-
 лѣзнодорожниковъ. Выпускаютъ насъ...

По очереди!

8 часовъ для труда, 8 для сна и 8 свободныхъ.

Коля — Пролетаріатъ.

А я за погромъ. Всего 4-хъ убилъ. Просидѣлъ два дня,
 выпустили.

Федя Бурсакъ.

Октябрь 1905 г. 1 день тюрьма пуста. Записей ни-
 какихъ.

1906 годъ.

И въ тюрьмѣ мы продолжаемъ требовать...

Рабочій эс-де.

Не знаю, что вы требуете, но я не согласенъ. Принци-
 пально не согласенъ.

Эс-эрь.

Попалъ по недоразумѣнію. Приняли за другого.

Мирнообновленецъ.

Сиди, коли посадили.

1907, 8, 9 годъ.

За экспроприацію. Ограбили бакалейную лавочку и за-
 брали выручку 4 руб. 62 коп.

Прощайте, товарищи, всегда живите счастливо.

Взять на карательной экспедиціи. Дешево не отдался.
 На томъ свѣтѣ, увидимся.

Въ сей камерѣ сидѣлъ анархистъ-коммунистъ Боря Глик-
 бергъ, ученикъ училища «Трудъ». Отречемся отъ стараго
 міра...

1910 годъ.

За порнографію здѣсь сидѣлъ писатель Нетутышкинъ
 Читите эту камеру. Здѣсь родилась новая порнографія.

Членъ Госуд. Думы, въ виду неприкосновенности, черезъ
 8 мѣсяцевъ освобожденъ отъ одиночнаго заключенія. Членъ
 I-го созыва Госуд. Думы.

Храпуновъ.

Что же это такое? Скоро порядочному вору и мѣста не
 будетъ, все политика заняла.

Фомка Блатной.

1911 годъ.

Нашелъ въ тюрьмѣ свое общество.

Де-Ласси.

Играли въ бриджъ: я, гр. Ронижеръ, Обриенъ-де-Ласси
 и Гилевичъ. Гилевичъ зарѣзалъ графа.

Вчера привели новенькаго: баронъ Поль-де-Тергъ...
 Зарѣзалъ ростовщицу; аристократъ до ногтей. Будетъ у насъ
 Ивановъ или по аристократически «Жаномъ»...

Привезли маркиза. Убилъ двоихъ.

1912—13 годъ.

Послѣ ревизіи сенатора Гарина имѣлъ удовольствіе си-
 дѣть въ сей камерѣ.

Эксъ-интендантъ.

За Выборгъ.

Депутатъ.

За неимѣніемъ политическихъ сидѣлъ сіонистъ Блюмъ.
 Да здравствуетъ Жаботинскій.

За книгу «Правда и свѣтъ» на одинъ годъ заключенъ
 писатель.

Коноховъ.

ЖЕРТВЫ ВОЙНЫ.

— Вы тоже бѣженка?
— Во всякомъ случаѣ не отъ мужчинъ.

Оставилъ память членъ партіи ка-де за рѣчь, произнесенную въ 1906 году на банкетѣ. Поваръ здѣсь очень плохой.

14—15.

Военноплѣнный, бывший колбасникъ въ Ригѣ, сидѣлъ здѣсь. Высланъ въ Иркутскъ. Обращеніе хорошее, столъ обильный.

Помните, арестанты, о редакторѣ «Огня», проведеншаго здѣсь годъ.

За мошенничество посаженъ въ политическое, такъ какъ теперь свободны камеры.

Князь Церетелли.

1916 годъ.

Ужасныя неудобства. Во-первыхъ, не даютъ кофе, а чай, да и то плохой. Сахаръ я употребляю только своего завода, а не Бродскаго. Звонка въ камерѣ нѣтъ. Я не привыкъ, я буду жаловаться, право!

Вина не даютъ. Подаю прошеніе. Сижу, какъ арестантъ. Какая гадость. А что если найдутъ запасы мануфактуры, которые я спряталъ въ надувало-обираловскомъ банкѣ? Ужасно, ужасно, я не такъ воспитанъ. Fi, donc.

Пусть знаютъ всѣ, что я сидѣлъ невинно. Толкачъ Сѣверо-Южной жел. дороги.

Люблю одиночество, но его у меня уже избытокъ. И затѣмъ здѣсь нѣтъ гаража. Нѣтъ, эта квартира мнѣ абсолютно не нравится.

Банкиръ.

Въ тюрьмѣ вовсе не такъ плохо. Свое общество. Жаль только, что не разрѣшаютъ рулетки. И нѣтъ Альфонсинки. Когда освободятъ, уѣду отдыхать въ Ниццу или Монте-Карло. Но за что, за что? Неужели за сокрытіе сукна?

Надписи списаль

Борисъ Флитъ.

ВЪ СУМЕРКАХЪ.

Мужъ дѣлалъ сцену изъ-за письма, Полученнаго отъ какого-то блондина. На этотъ разъ онъ былъ разсерженъ весьма И кричалъ женѣ: «Мессалина!...»

Но женѣ и самой былъ противенъ блондинъ, И отъ обиды она плакала горько. Были сумерки. Между сдвинутыхъ гардинъ Смутнѣла угасающая зорька...

Отъ скуки и плача мужъ подобрѣлъ (Онъ уже не вѣрилъ въ измѣну), Подошелъ къ женѣ, приласкалъ и согрѣлъ, Приложивъ щеку къ ея колѣну...

Отъ теплоты утихла и задумалась жена. И вспомнила противнаго блондина: Изъ-за его письма такъ испугалась она, Онъ долженъ беречь ее, онъ мужчина...

А вмѣстѣ съ тѣмъ — какъ съ нимъ уютно, какъ тепло! Нѣтъ, это тепло сейчасъ отъ мужа... Все равно, отъ кого бы оно ни шло, А безъ блондина — пустота, стужа...

И отъ холода мысли тѣснѣе прижалась жена. Мужъ, умилившись, прижался тоже... И, притворясь звѣздами, глядѣли въ щель окна Сверху хихикающія рожи.

Ал. Вознесенскій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Ударъ.

Вѣроятно, впервые за все время существованія Россіи подчиненные такъ провожали своего начальника-министра.

Министръ, конечно -- Игнатъевъ.

Грусть, растерянность, сегодня въ желтомъ зданіи у Чернышева моста. Работа изъ рукъ вывалилась. По высокимъ коридорамъ — какія-то непритыканныя фигуры, недоумѣнные полуфразы, безнадежные взгляды.

Не то улей, изъ котораго вылетѣла матка, не то домъ, изъ котораго только что вынесли покойника.

Пріѣзжалъ днемъ графъ попрощаться. Самъ всѣхъ обошелъ, до послѣдняго чиновника, трудящагося на антресоляхъ за какой-нибудь ассигновочной вѣдомостью. Для всѣхъ нашелъ ласковое, нешаблонное слово, теплое товарищеское рукопожатіе. И взволновалось департаментское царство живымъ, человѣческимъ чувствомъ, повскакали люди съ просиженныхъ стульевъ, изъ-за обмызганныхъ столовъ, бросились гурьбой вслѣдъ за графомъ по узкимъ коридорамъ, по широкимъ лѣстницамъ. Что-то лепечуть, слезы на глазахъ, оторваться отъ него не могутъ ..

Безобразіе все это — слезы и все такое. Не по формѣ. Кто же это смѣетъ плакать въ официальномъ мѣстѣ да еще при начальствѣ.

И сказать-то ничего путемъ не сумѣли. Обычныя фразы забылись, сложилась необычнымъ помѣшаломъ горячее волненіе — небывалая гостя въ этихъ стѣнахъ, привыкшихъ за послѣдніе годы къ быстрой смѣнѣ хозяевъ. Равнодушно, а то и злобно, провожали уходящихъ, тупо гнулись передъ приходящими. Вотъ и все.

Сегодня — не то. Будь ихъ воля, не отпустили бы ласковаго, всѣхъ взбодришаго въ дружной работѣ графа. Вотъ просто — загоролили бы двери и не пустили. Да ничего не подѣлаешь... Ушелъ.. Ухаль..

И побрели, безпріютные, назадъ, на насиженные, сразу какъ-то вновь опостылѣвшія мѣста..

А слѣдомъ — вѣсточка отъ новаго хозяина:

— Буду завтра. Надѣюсь всѣхъ застать въ установленной закономъ формѣ.

Вотъ это уже хорошо.

Первая ласточка.

Летучая фраза: „побѣдить тотъ, у кого нервы крѣпче“, — начинаетъ давать реальные результаты.

Германскій кронпринцъ Фридрихъ-Вильгельмъ въ настоящее время находится въ санаторіи. Онъ страдаетъ „нервнымъ расстройствомъ“ въ острой формѣ.

Это единственный изъ отпрысковъ Вильгельма, который выдѣлился чѣмъ-нибудь острымъ.

Русскій лапоть.

Если бы мы не были согласны съ Некрасовымъ, то мы все-таки пытались бы убавлять въ Россіи количество дураковъ, наводя тѣмъ тоску на умныхъ.

Но мы съ Некрасовымъ согласны.

Поэтому приводимъ только голый фактъ...

„Русская Воля“ рассказываетъ:

Нѣсколько дней тому назадъ Самаро-Златоустовской жел. дорогой было получено изъ Петрограда отъ министерства путей сообщенія циркулярное распоряженіе, — выяснить: не пожелаютъ ли линейные служащіе пріобрѣсти американскую обувь?

Циркуляръ пошелъ по инстанціямъ. Затрещалъ по линіи телеграфъ, застучали пишущія машинки. Еще бы, дѣло объ обуви срочное!...

Получилъ депешу объ обуви и старшій телеграфистъ ст. Миньяръ, Заварзинъ. Опросилъ сослуживцевъ, получающихъ грошевое содержаніе, и сообщилъ въ отвѣтъ:

„Въ виду десятипроцентной прибавки на дороговизну, служащіе не въ состояніи покупать обувь, рѣшивъ замѣнить ее лаптями“.

Казалось бы, что можетъ быть удивительнаго въ такомъ отвѣтѣ. Обувь дорогая, мелкотѣ не по средствамъ, и она ищетъ то, что можетъ замѣнить обувь.

Такъ думали въ Миньярѣ, но не такъ взглянули на этотъ отвѣтъ въ Самарѣ.

Начальникъ железнодорожнаго телеграфа, г. Бахановъ, получивъ депешу отъ Заварзина „о лаптяхъ“, немедленно же распорядился „ислѣдовать умственные способности“ послѣдняго, о чемъ и сообщено начальнику станціи Миньяръ...

Мы сначала тоже думали распорядиться изслѣдовать умственные способности г. Баханова, но потомъ махнули рукой:

— Не стоитъ. И такъ все ясно.

Верхъ благодущія.

Мнѣніе бывшаго министра Н. А. Маклакова о гнусной выходкѣ Маркова 2-го:

Заговорилъ сотрудникъ „Б. Вѣд.“ о Марковѣ 2-мъ и его дикой выходкѣ...

— Это пустяки, — шутило и улыбаясь, отвѣтилъ бывший министръ внутреннихъ дѣлъ. — О чемъ тутъ говорить, — погорчился Марковъ 2-й, погорячилась Г. Дума, погорячился председатель... Развѣ вы серьезно думаете, что это надолго? Вы знаете, русскіе люди такъ отходчивы...

„Пустяки“, какъ извѣстно, заключаются въ томъ, что г. Марковъ 2-й обругалъ председателя Гос. Думы „болваномъ и мерзавцемъ“.

Попробуйте спросить этого милаго, благодушнаго Н. А. Маклакова, на примѣръ, о дѣлѣ Гилевича...

— О, это пустяки, — шутило улыбаясь, отвѣтитъ Н. А. Маклаковъ. — Ну, Гилевичъ, конечно, погорячился: зарѣзалъ Подлуцкаго и содралъ ему кожу съ лица. А въ общемъ оба премилые люди и вообще мы, русскіе, народъ самый отходчивый.

Съ идеей.

Времена безыдейнаго воровства кончаются.

Наступаетъ время, когда самый простой воръ, идя на „дѣло“, лелѣетъ какую-нибудь болѣе или менѣе благородную возвышенную идею:

На Невскомъ, рядомъ съ Пассажемъ, воры ограбили магазинъ подъ фирмой „Вѣнскій шикъ“, оставивъ краткую записку: „Это тебѣ за Вѣну“. Похищено товара на 6000 руб.

Поистинѣ, вотъ взрывъ патріотизма, передъ которымъ никакіе замки и двери не устоятъ.

БРЫЗГИ.

Среди современныхъ дѣльцовъ.

— Итакъ, вы оба покупаете у меня сто вагоновъ кожи, двѣсти вагоновъ сукна и триста вагоновъ золотой руды?

— Совершенно вѣрно. По рукамъ!

— Такую сдѣлку надо sprysnutъ... Человѣкъ, стаканъ кофе и три ложечки!

Игра для взрослыхъ.

— Папочка, можно намъ въ чехарду поиграть?

— Не смѣть, чертенята! Не доросли еще до такой серьезной игры.

Д.

Рис. Б. Антоновскаго.

МІРОВАЯ ГАРМОНІЯ.

— Смертельно ѣсть хочется. Продамъ татарину старыя ботинки и куплю фунтъ колбасы.

— Не забывай, что колбаса теперь три рубля фунтъ!

— Ну такъ что жъ: теперь и за старыя ботинки даютъ десять рублей.

БРАТЯ ПИСАТЕЛИ.

Очевидно, не привыкну
сидеть въ «Бристоль»,
пить чай,
построчно врать я.
Опрокину стаканы,
взлѣзу на столикъ.
«Слушайте,
литературная братія!
Сидите!
Глазенки въ чай канувъ!
Вытерся отъ строченія локоть плюшевый.
Подымите глаза отъ недопитыхъ стакановъ!
Отъ космъ освободите уши вы!
Вась,
прилипшихъ
къ стѣнѣ,
къ обоямъ,
Милые,
что васъ со словомъ свелъ.
А знаете вы,
— если не писалъ,
разбоемъ
занимался Франсуа Виллонъ?
Вамъ,
берущимъ съ опаской
и перочинные ножи,
— Красота великолѣпнѣйшаго вѣка ввѣрена вамъ —
изъ чего писать
сегодня,
жизнь
въ сто кратъ интереснѣй
у любого помощника присяжнаго повѣреннаго.
Господа поэты!
Неужели не наскучило —
пажи,
дворцы,
любовь,
сирени кустъ вамъ?!
Если
такіе, какъ вы —
творцы —
мнѣ наплевать на всякое искусство!
Лучше открою лавочку.
Пойду на биржу.
Тугими бумажниками растопырю бока.
Пьяной пѣсней
душу выржу
въ кабинетѣ кабака!

Подъ копны волосъ проникнетъ ли ударъ?
Мысль
одна
подъ волосища вложена.
«Причесываться
на время — не стоитъ труда,
а вѣчно
причесаннымъ быть
невозможно!»

В. Маяковскій.

ЖЕРТВА НАШИХЪ ДНЕЙ.

Въ магазинъ обуви нерѣшительно входитъ худосочный
блондинъ.
— Ботинки есть? — спрашиваетъ онъ взволнованно.
— Есть! — говоритъ приказчикъ.
— Не можетъ быть?.. Неужели есть? Вы не шутите?..
— Мы шутками не занимаемся, — обижается приказ-
чикъ.
— Извините ради Бога, но я... я разъ двадцать уже
заходилъ къ вамъ, и все не было...
— Вамъ же говорятъ, что есть.
— Я вѣрю, вѣрю, но я удивленъ, потому что...
— Вамъ который номеръ?
— Да мнѣ безъ номера. Какіе теперь номера... Если
малы будутъ, отдамъ разбить на колодкѣ, а въ большіе под-
ложу чего-нибудь...
— Садитесь, господинъ.

— Ничего, я постою.
Приказчикъ достаетъ изъ ящика нѣсколько паръ боти-
нокъ.
— Примѣрьте.
— Ахъ, не беспокойтесь, пожалуйста, мнѣ такъ неловко
затруднять васъ. Я возьму безъ примѣрки, все равно, какъ-
нибудь...
— Почему же не примѣрить? — вяло спрашиваетъ при-
казчикъ.
— Да, конечно... Но вы теперь такъ заняты, и мнѣ
прямо стыдно...
— Время есть. Садитесь, я вамъ примѣрю.
— Мерси. Я, стоя...
— Такъ неудобно. Садитесь... — съ раздраженіемъ по-
ворить приказчикъ.
— Хорошо, хорошо... Спасибо... Не беспокойтесь,
я самъ...
Блондинъ надѣваетъ лѣвый ботинокъ на правую ногу.
— Не на ту ногу надѣваете.
— Ахъ, да!.. Извините!.. Это лѣвый, значитъ на лѣ-
вую ногу, я понимаю. Хе-хе-хе...
— Ну, что?
— Представьте, не налѣзаетъ...
Приказчикъ становится на колѣно и поправляетъ боти-
нокъ.
— Потяните за ушки, — говоритъ онъ.
— Съ удовольствіемъ...
— Что вы дѣлаете?.. Это нахальство!.. — кричитъ
приказчикъ, вскакивая на ноги.
— Чего ты кричишь? — съ удивленіемъ спрашиваетъ
старшій приказчикъ.
— Да какъ же!.. Этотъ нахаль потянулъ меня сей-
часъ за уши...
— Ради Бога, ради Бога!.. — лепечетъ поблѣднѣвшій
блондинъ. — Ради Бога про... простите! Я... я по раз-
сѣянности. Я такъ взволнованъ... Больше мѣсяца хожу къ
вамъ, и все не было ботинокъ, а сегодня вдругъ есть. Я
просто растерялся отъ неожиданности... Клянусь, я не хо-
тѣлъ васъ обидѣть. Вы говорите: «потяните за ушки», ну,
я и думалъ, что...
— Чего вы дурака валяете? Постыдились бы!.. Ухо-
дите, пожалуйста!..
— А... а... а какъ же ботинки? Мнѣ нужно бо-
тинки...
— Никакихъ ботинокъ!.. — строго сказалъ старшій
приказчикъ. — Прошу васъ!
Онъ указалъ на дверь.
— Я... я... я заплачу, хорошо заплачу... Дайте
пару...
— Было бъ не безобразить!..
— Ну, умоляю васъ!..
— Отнюдь.
— Боже мой, что же это такое?..
— Андрюшка, обѣгай за городовымъ.
— Я уйду, уйду... Но только... А я-яй!.. Какъ все
это нелѣпо!.. Боже мой, что со мной дѣлается?..

Блондинъ, выйдя изъ магазина, почувствовалъ, что все
кончено. Онъ криво улыбнулся, разстегнулъ для чего-то
пальто и, закрывъ глаза, побѣжалъ черезъ улицу.
Черезъ нѣсколько минутъ подняли его трупъ.
Грузовикъ умчался...

В. Черній.

A P R O P O S .

(Посль лекціи о. Мардарія Ускоковича.)

Отъ Петра Петровича
Слышалъ я разъ пять:
— Русь, отъ Ускоковича
Надо ускакать!

Д.

П О Т Е Л Е Ф О Н У .

— Алло! Это депутатъ Марковъ?
— Онъ самый. Чѣмъ могу служить?
— Лакеемъ!
Отбой.

Д.

С Л А Д К И Я М Е Ч Т Ы.

— Ты так хочешь имѣть ребенка... Я понимаю тебя... Дѣти это благословеніе Божіе...
 — Нѣтъ, не то. А просто, благодаря ребенку, можно получить лишнюю карточку на сахаръ.

П О Д Ъ С О С Н О Й.

— Дубъ!
 — Ну, положимъ, — сосна.
 — Это гдѣ сосна? Вотъ это, — около насъ? А я — кто? Иванъ Иванычъ, или Марья Иванна?
 — А все-таки это — сосна.
 — Ну, хорошо, я васъ сейчасъ поймаю. Я говорю: на васъ пиджакъ суконный. Что это значитъ? Значитъ это то, что онъ изъ заграничнаго батиста сдѣланъ? Ага! Прикусили язычекъ.
 — Иванъ Иванычъ, — пиджакъ-то при чемъ?
 — Вы рыжаго мужика помните? Помните, на станціи кнотомъ махаль? Кто къ нему подошелъ? Вы и я. Кто спрашивалъ, какъ на дачу къ Семафорову пройти? Вы и я. Кто отвѣтилъ, что все время надо дубовымъ лѣсомъ идти? Вы и я? Какъ это вы скоро про мужика забыли!
 — Ну и Богъ съ нимъ! Странный вы человекъ, Иванъ Иванычъ! Сначала пиджакъ, потомъ мужикъ. Рѣшительно не понимаю, какое они имѣютъ отношеніе къ соснѣ.
 — Къ дубу, а не соснѣ. То самое отношеніе, что если бы это была сосна, такъ лѣсъ былъ бы сосновый. А разъ лѣсъ дубовый, то значитъ, — это дубъ. Лучше ужъ не спорьте: здѣсь сама логика на дыбы встанетъ.
 — Голубчикъ, пощадите! Ну, развѣ съ дуба шишки валяются? Вѣтромъ что ли эти шишки занесло? Не понимаю, что смѣшного въ моихъ словахъ!
 — Милый, гимназію вы когда-нибудь нюхали? Дѣдушку Крылова учили когда-нибудь? Какъ же это у него? «Свинья подъ дубомъ», или «Свинья подъ сосной».
 — У Крылова — подъ дубомъ.
 — Прекрасно. Давайте декламировать: «Свинья подъ дубомъ вѣковымъ...»
 — Не показывайте на меня пальцемъ.
 — Я на дубъ показываю. Итакъ:... «Наѣлась шишекъ досыта и до отвала».

— Ну, это извините: желудей, а не шишекъ. Попробуйте, разжуйте эту шишечку.
 — Былъ бы свиньей, — разжевалъ бы.
 — Чтобъ вамъ! Елку-то вы когда-нибудь видѣли?
 — Видѣлъ.
 — Похожа?
 — Крестика внизу какъ будто не вижу.
 — Какого вамъ еще крестика?
 — Того самаго, на которомъ елка стоитъ.
 — Тѣфу! Мужичка видите? Во-о-онъ сюда идетъ. Мужика повѣрите?
 — Повѣрю. Только вы ему не подмигивайте.
 — Эй! Эге-ге-гей Мужич-ч-еееекъ!
 — Здравжламъ! Заблудились штоли-ча?
 — Скажешь тоже, борода ты козья! Лѣсокъ-то это какой?
 — Лѣсокъ? Слава одна, что лѣсокъ! Такъ, роценка непутевая!
 — Да ты, братъ, говори прямо: какія здѣсь деревья? Дубъ, или сосна?
 — Здрасти! Ослѣпъ, видно! Мѣшанка форменная, — вотъ что здѣсь.
 — А ну, еще какую-нибудь глупость скажи.
 — Говорятъ тебѣ, лѣсъ мѣшанный, ну, значитъ и мѣшанка.
 — Такъ это по-твоему мѣшанка? И это мѣшанка, и это, и это?
 — Разъ, ужъ, на все показаль, значитъ, все и есть мѣшанка.
 — Въ тюрьмѣ сгною, если врешь!
 — Господи! Да, какъ передъ Истиннымъ.
 — Вотъ вамъ ваша сосна! Шишки!
 — Свинья подъ дубомъ! Эхъ, вы! Дубъ! Несчастной мѣшанки не узнать!

Евграфъ Дольскій.

Рис. Миссз.

ТОЛКОВЫЙ РЕБЕНОКЪ.

- Мамочка, а въ этой коробочкѣ что?
- Пьяная вишня.
- Мама, а почему она не шатается?

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Кипитъ война, совершаются сенсационныя убійства, министры приходятъ и уходятъ, а „Синій Журналъ“ даетъ на все это вотъ какіе отзвуки:

14 новогоднихъ обезьянъ.

Голландскій профессоръ Ванстукъ воспитывающій 14 обезьянъ, завелъ оригинальный обычай встрѣчи Нового года.

Всѣ его 14 воспитанницъ содержатся очень строго. Обѣдъ имъ подается въ ихъ собственную комнату и никакого вина имъ не полагается, хотя нѣкоторыя воспитанницы и выражаютъ желаніе выпить.

Только однажды въ годъ, въ новогодній канунъ, обезьяны приглашаются въ столовую, за общій столъ. Профессоръ встрѣчаетъ Новый годъ въ кругу нѣсколькихъ друзей и 14-ти обезьянъ.

Онѣ получаютъ все, что и остальные гости и — единственный разъ въ году — по бокалу шампанскаго.

Поэтому Новый годъ онѣ ожидаютъ съ большимъ волненіемъ и нетерпѣніемъ.

Эти удивительныя 14 обезьянъ такъ умны (еще бы! Помнятъ цѣлый годъ о какомъ-то бокалѣ шампанскаго и „ожидаютъ Нового года съ большимъ волненіемъ и нетерпѣніемъ“) — такъ эти 14 обезьянъ умны, что является вопросъ: не состоятъ ли всѣ 14 сотрудниками „Синяго Журнала“?

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Сень Унылому. — Болѣе гордаго человѣка, чѣмъ Сеня, редакціи „Нов. Сатирикона“ не приходилось встрѣчать:

„И то, что къ людямъ я иду —
Мой капризь.
Я на нихъ всѣхъ смотрю
Сверху внизъ“.

Неужели, чистка снѣга съ крышъ можетъ такъ развратить простого скромнаго человѣка?

Стихи, Сеня, не подошли.

Д. П. К. Преображ 32. — „Мои стихи тѣмъ хороши, что я ихъ посылаю всего (?) четыре штуки...“

А можно бы сдѣлать ихъ еще лучше: прислать одну штуку.

И еще лучше можно сдѣлать.

Залкинду. — Есть ли у риемы волосы?

На первый взглядъ — вопросъ странный, дикій, но стихи Залкинда даютъ ключъ къ этому вопросу: у риемы волосы есть.

Ибо всѣ риемы у Залкинда притянуты за волосы:

„Разъ влюбился въ Тома Биль
Сѣлъ онъ съ нимъ въ автомобиль...“ и т. д.

А ну попробуемъ и мы:

Томъ и Биль вылѣзли изъ автомобиля и сѣли на кочки.

Рвемъ мы стихи Залкинда на кусочки.

Неуклюжесть нашихъ стиховъ искушается ихъ искренностью и неподдѣльной правдивостью.

Ave.

Редакторъ: А. Т. Аверченко.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 годъ

НА

РУССКАЯ

ВОЛЯ

НОВУЮ

Ежедневную

Газету

Ближайшее участие въ газетѣ принимаютъ:

С. А. Агріановъ, В. Азовъ, Г. А. Александринскій, Александръ Амфиатовъ, Леонидъ Андреевъ, Н. П. Ашешовъ, проф. М. И. Боголъбовъ, М. М. Горьковъ, проф. Н. А. Гредескулъ, проф. Э. Д. Гриммъ, А. И. Купринъ, В. В. Муйжель, В. Г. Танъ, проф. М. П. Чубинскій, Гюставъ Эрве.

Полный списокъ сотрудниковъ будетъ объявленъ особо.

Спеціальныя корреспонденцы по телеграфу во всѣхъ крупныхъ центрахъ за границу, въ Россіи и на всѣхъ театрахъ войны.

ОБЕЗПЕЧЕНЫ ПОСТОЯННЫМИ СНОШЕНИЯМИ СО ВСѢМИ СЛАВЯНСКИМИ СТРАНАМИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1917 ГОДЪ:

ВЪ ПЕТРОГРАДѢ: на 1 г. — 16 р., на 6 мѣс. — 8 р. 50 к., на 3 мѣс. — 4 р. 75 к., на 1 мѣс. — 1 р. 65 к.

ВЪ ПРОВИНЦІИ: на 1 г. — 17 р., на 6 мѣс. — 9 р., на 3 мѣс. — 5 р., на 1 мѣс. — 1 р. 80 к.

Для сельскихъ священниковъ и учителей, фельдшеровъ и учащихся гв. высшихъ учебн. завед., при непосредств. обращеніи въ Гл. Контору:

на 12 мѣс. — 13 р., на 6 мѣс. — 7 р., на 1 мѣс. — 1 р. 35 коп.

Допускается **разсрочка платежа** при подпискѣ съ **1-го января на годъ**: при подпискѣ — 7 р., въ апрѣлѣ — 7 р. и въ августѣ — остальные. Для лицъ, пользующихся удешевленной подпиской: при подп. — 6 р., въ апрѣлѣ — 5 р. и въ августѣ — 2 руб.

Пробные номера высылаются всѣмъ желающимъ

— БЕЗПЛАТНО.

Редакція и Главная Контора газеты „РУССКАЯ ВОЛЯ“:

Петроградъ, Ива овская, 14.

Опаблѣнные номера продаются вездѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

на 1917 годъ

„Новый Сатириконтъ“.

ОБЩЕСТВО ДЛЯ БОРЬБЫ СЪ РОСКОШЬЮ
ПРЕДЛАГАЕТЪ ВАМЪ

подписаться на журналъ „Новый Сатириконтъ“.

ОСНОВАНИЯ НИЖЕСЛѢДУЮЩА:

1) Получая по подпискѣ „Сатириконтъ“, читатель не долженъ каждую недѣлю бѣгать къ газетчику, изнашивая ботинки и одежду, какъ верхнюю, такъ и нижнюю.

2) Получая „Сатириконтъ“ и внимательно читая его, подписчикъ будетъ отвлеченъ отъ другихъ способовъ убиванія времени: картъ, хожденія по шантанамъ и развратныхъ поступковъ съ нехорошими кокотками.

3) Ввиду того, что каждый номеръ „Сатириконтъ“ читатель будетъ получать въ бумажной бандероли — означенная бандероль можетъ всегда пригодиться на завязываніе банокъ съ вареньемъ или изго-

товленіе бумажныхъ пѣтуховъ для вашего многоуважаемаго сына Ванечки.

И, наконецъ, 4) Въ розницу журналъ будетъ вамъ обходиться (безъ премій) *тринадцать* рублей, а по подпискѣ (съ преміями! Замѣтьте же, ради Бога: съ преміями!!) *одиннадцать* рублей.

Если по ознакомленіи съ этими четырьмя пунктами, читатель, все-таки не подпишется — смѣло отдавайте его подъ опеку за расточительность!

Съ почтеніемъ:

Об-во для борьбы съ роскошью.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ

52 НОМЕРА обильно иллюстрированного рисунками и карикатурами журнала.

1 БОЛЬШОЙ ТОМЪ „Вселенная и Человѣчество“.

4 КАРТИНЫ, изъ нихъ двѣ исполненныя по способу трехцвѣтной печати,

а именно:

2 КАРТИНЫ Ре-ми и А. Радакова.

2 КАРТИНЫ (силуэты въ красочныхъ медальонахъ) Миссъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на одинъ годъ безъ доставки **10** РУБ.,

Съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ — **11** р., на 1/2 года — **5** р. **50** к.,
на 1 мѣс. — **95** к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

при подпискѣ **5** руб., 1-го мая **3** руб., 1-го сентября **3** руб.

Адресъ редакціи и конторы:

Петроградъ, Невскій пр., 88. Телеф. 59-07.

Редакторъ: Арк. Аверченко.

Издатель: „Новый Сатириконтъ“.

Рис. Ре-ми.

и 9.

П. Н. МИЛЮКОВЪ.